

ЛЕВАЯ ТРАДИЦИЯ ВО ФРАНЦИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Ж.-Ф. Сиринелли, С. Берстайн, Н. Русселье

По просьбе редакции «Французского ежегодника», Г.Н. Канинская в апреле-мае 2009 г. взяла интервью у трех ведущих специалистов по истории современности из парижского Института политических исследований Ж.-Ф. Сиринелли, С. Берстайна и Н. Русселье о том, как им видится прежнее и нынешнее положение французской левой и как они оценивают ее перспективы в будущем*.

Вопрос: Какую роль, на Ваш взгляд, сыграли левые политические силы в прошлом?

Ж.-Ф. Сиринелли: Несомненно, существенную, впрочем, так же, как и правые, потому что те и другие – это два полюса, которые в течение двух веков структурируют политическую жизнь Франции. И тем не менее, охарактеризовать роль левых нелегко, потому что понятие «левый» на протяжении этих двух веков неоднократно видоизменялось и, по сути, всегда было сложносоставным. Мне трудно в двадцати строках обрисовать события, произошедшие за десятилетия французской истории, и потому я хотел бы отослать читателя к своему тексту «Правые и история», которым завершается книга «История правых во Франции», вышедшая под моей редакцией¹. И хотя он посвящен другой составляющей политической жизни Франции, в нем как раз идет речь об органической связи левых и правых политических традиций. Обращу внимание на то, что я употребляю здесь множественное число. И это не только потому, что их сущность менялась по мере исторического развития, но и потому, что каждое из указанных понятий само по себе представляет

Жан-Франсуа Сиринелли – профессор Института политических исследований (ИПА), директор Центра истории Европы XX в.; Серж Берстайн – профессор ИПА; Никола Русселье – доцент ИПА
1 *Sirinelli J.-F. Les droites et l'histoire // Histoire des droites en France. P., 2006. T. 3. P. 841-873.*

комплекс из нескольких составляющих.

Таким образом, левые, как и правые, эволюционировали со времен Французской революции. Какова была их роль? В общих чертах можно отметить, что в XIX веке они играли роль борцов за республику. Окончательно Республика победила во Франции только в начале 1870-х гг. До этого она рассматривалась лишь как один из возможных вариантов политического устройства страны после падения Старого порядка в 1789 г. XIX век во Франции прошел под знаком противоборства разных тенденций: установления абсолютной монархии, конституционной монархии или республики. Разные течения правых ратовали тогда за тот или иной из первых двух вариантов, тогда как установление республики отвечало чаяниям левой политической традиции. Перефразируя название книги выдающегося французского историка Мориса Огюлона, левую можно идентифицировать как «Марианну в борьбе». Между тем после утверждения Республики в 1870-е гг. республиканские убеждения оказались присущи не только левым. Часть французских правых увлек исторический процесс, получивший название «присоединение» и заключавшийся в том, что правые приняли республику как политический строй Франции.

С этого момента источником раскола французского общества по линии левые-правые, вокруг которого происходило становление соответствующих политических культур, стала проблема вмешательства Государства в частную жизнь. Промышленная революция и рост численности рабочего класса способствовали расширению социалистического движения. На протяжении почти века французская социал-демократия, с одной стороны, и представители французского варианта коммунизма – с другой, выступали за активное вмешательство Государства в экономическую и социальную сферу, хотя степень такого вмешательства и варьировалась в требованиях сторонников различных политических культур. В частности, пребывание у власти тех или иных левых сил в 1924, 1936, 1956 и 1981 гг. вело к расширению социального законодательства и зачастую сопровождалось национализацией.

Коммунистическая ветвь генеалогического древа французских левых за эти два века пользовалась сильным влиянием лишь на протяжении относительно короткого времени – в период между 1936 и серединой 1980-х гг. Тогда коммунисты получали больше 10% голосов на выборах. Французская социал-демократия, напротив, представляет

собою крупную политическую силу уже больше века. СФИО родилась в 1905 г. и может претендовать на то, чтобы считаться создательницей «государства благоденствия» во Франции. Но с начала 1980-х гг. социал-демократия признала необходимость рыночной экономики, отношение к которой уже не является водоразделом между левыми и правыми.

С. Берстайн: Безусловно, левые во Франции всегда играли важную роль, начиная со времен Революции и вплоть до недавнего времени, за исключением разве что последних двадцати лет. При этом стоит подчеркнуть, что левые всегда выглядели как партия движения и прогресса. Со времен Революции 1789 г. они неизменно подвергали критике существующую структуру общества, предлагали смелые решения, которые выглядели поначалу как оппозиционные и отвергались властями. Но постепенно идеи левых завоевывали признание общества и становились нормой жизни. Левые настойчиво выступали сначала против монархии, а затем против цезаристской империи Наполеона. В XIX и XX вв. они провозглашали себя наследниками Революции и боролись за создание Республики и за всеобщее избирательное право. После 1840-х гг. с именем левых ассоциировались также идеи социальной и политической демократии, нашедшие свое отражение в законодательстве Третьей республики. Эта республика стала триумфом левых сил во Франции. При ней был реализован принцип народного суверенитета, когда страной стали управлять избранные народом представители, получила широкое распространение система социального перераспределения в духе идеи солидаризма, согласно которой богатые должны делиться с бедными, и это правило было возведено в ранг закона страны. Ликвидированные во время Второй мировой войны, социальные завоевания возродились в первые послевоенные годы при Четвертой республике. Иными словами, созданная благодаря усилиям левых социальная система просуществовала почти два века. При этом в стране прочно утвердилось представление о том, что добиваться изменений в обществе нужно через реализацию революционных идей, которые сначала должны завоевать общество, а затем воплотиться в законодательстве. Двигателем же прогрессивных общественных преобразований считались левые партии. Итак, история левой – это история «партии движения», которая предлагала обществу новые идеи.

Н. Русселье: Левые прежде олицетворяли собой специфическое мышление, направленное на изменение существующей системы, пред-

ставляли крупную политическую тенденцию. Они часто стояли у истоков важнейших социальных дискуссий, опирались на богатый исторический опыт. За представителями каждого левого политического течения стояли идеологи-интеллектуалы. Взять хотя бы социалистов периода 1970-1980-х гг. Ф. Миттеран тогда являл собой своего рода якобинскую традицию в партии, а его соперник М. Рокар – новую, вроде неоякобинской. И вокруг них разворачивались грандиозные дебаты, в ходе которых решались насущные вопросы о том, как изменить жизнь. И это только, если речь вести об одних социалистах, а ведь были еще и дебаты между коммунистами и социалистами. Кроме того, всегда были и другие левые, участвовавшие в дискуссиях об изменении жизни. Все левые хотели ее изменить. Левым вообще было модно быть. Они считались более прогрессивными и надежными защитниками социальных благ. Виднейшим выразителем левых идей можно назвать Ф. Фюре, например. Был также период, когда в своих теоретических изысканиях левые обращались и к своим историческим предшественникам из XIX столетия. Например, вспоминали идеи Ж. Ферри, апеллировали к Л. Буржуа с его идеей солидаризма в обществе. Сейчас нет ничего подобного ни у левых, ни у правых. Люди из команды Н. Саркози вообще не вспоминают о голлизме, они лишены какой-либо привязанности к голлистской традиции.

***Вопрос:* Как Вы оцениваете современное положение левых во Франции?**

Ж.-Ф. Сиринелли: После падения коммунистических режимов в Центральной и Восточной Европе в 1980-х гг. ускорился и процесс ослабления влияния ФКП на крайне левом фланге политического спектра Франции. Хотя уже очень скоро, в 1990-е гг., мало-помалу стало выкристаллизовываться другое течение крайне левых, использующее в качестве идентификационной основы понятие антиглобализма. Конечно, само по себе это понятие весьма неоднородно, но его нынешние сторонники постоянно связывают антиглобализм с критикой капитализма, который называют «нео-либерализмом». Появление антиглобализма опровергло прогнозы тех аналитиков, кто считал, что после крушения большинства коммунистических режимов наступил «конец Истории» (если использовать выражение Ф. Фукуямы) или, иными словами, окончательная победа либеральной демократии. Не будучи большими приверженцами коллективистских политических режимов, антиглобалисты

всех направлений отвергают рыночную экономику и внимательно прислушиваются к доктринам, критикующим либеральную демократию.

В силу всех этих обстоятельств, социал-демократия во Франции оказалась в трудном положении. Конечно, в течение 1980-х гг. она пережила своего рода «Бад-Годесберг» — так называлось место знаменитого съезда немецкой социал-демократии 1959 г., начиная с которого она перестала апеллировать к марксизму и приняла мир, управляемый рыночной экономикой. Французские социалисты пережили ту же трансформацию спустя 30 лет. Однако они, во-первых, не сделали четких программных заявлений об этом, а во-вторых — рядовые активисты социал-партии или, по крайней мере, часть их на деле так и не приняли нового поворота. А потому для такой мощной политической силы, как социалисты, он обернулся источником двойной слабости. Партия оказалась расколота по важнейшему вопросу XXI века — о рыночной экономике, несмотря на то, что, казалось бы, официально признала таковую. С другой стороны, из-за подобного признания она стала весьма уязвима для критики со стороны других левых сил. Иначе говоря, если вернуться к дословной формулировке Вашего вопроса о современном положении французской левой, скажем, что оно двойственное. Исторически социал-демократия вышла победительницей в конкурентной борьбе с французским вариантом коммунизма и стала главной левой партией, но она все же еще не преодолела свои тактические колебания, а если взглянуть глубже, то можно увидеть, насколько ее идентичность оказалась поколеблена в идеологическом плане. Таким образом, французская социал-демократия — это крупная политическая сила, страдающая от слабости своей внутренней структуры.

С. Берстайн: С установлением в 1958 г. Пятой республики наметился разрыв с прошлыми представлениями. С этого времени обществу стало казаться, что движение скорее исходит от правых, чем от левых сил. Генерал де Голль сумел обратить в свою пользу «славное тридцатилетие», как называют годы послевоенного экономического подъема в стране, и блестяще провести модернизацию по всем направлениям: экономическому, социальному, культурному. Иными словами, в повседневной жизни французов произошла революция. Левые в это время выступали критиками мероприятий Пятой республики, но, критикуя ее, предлагали такую общественную модель, о которой толком никто не имел представления. В результате, с 1958 и до времени прихода к вла-

сти Ф.Миттерана в 1981 г., левые находились как бы в вакууме. Они осуждали Пятую республику, в которой им приходилось все время обороняться. Левые переживали настоящий кризис: они предлагали общество, где исчезнет капитализм, богатства будут перераспределяться равным образом, предприятия подвергнутся национализации и т.д., но все их проекты терпели неудачу в эпоху де Голля, который победил на всех выборах, а также и в эпоху Ж. Помпиду и В. Жискара д'Эстена. Хотя в годы президентства последних двух роль левых все же не была совсем уж незначительной. Общественность в известной мере воспринимала критику в адрес Пятой республики со стороны левых, прислушивалась к ней, а иногда заимствовала некоторые их идеи для того, чтобы добиться от правых правительств определенных социальных реформ, но при этом никоим образом не помышляла о поддержке каких-либо преобразований в духе предлагаемого левыми социализма.

В наиболее трудном положении очутилась Коммунистическая партия. Ее влияние среди рабочих все еще было довольно значительным, но ее считали полностью зависимой от Советского Союза. Картины же «советского рая», которые описывались французскими коммунистами, к тому времени вызывали все меньше доверия во Франции. В результате, Коммунистическая партия, сохраняя влияние на некоторую часть населения, для большинства французов была просто пугающей, а потому как политическая сила находилась в изоляции.

Социалисты, объединенные до 1969 г. в рядах СФИО, а после в ФСП, пытались дистанцироваться от коммунистов и пересматривать свои взгляды, заявляя, что выступают за бесклассовое общество в марксистском духе, за социализм, но отличный от бюрократической советской модели. Наряду с коммунистами и социалистами существовали еще левые либералы, вроде партии левых радикалов, которые вообще никаких реверансов в сторону марксизма не делали, но ратовали за формы прогрессивного характера.

Таким образом, левые в целом находились в состоянии раскола и взаимного соперничества. Казалось, они обречены на вечную оппозицию. Вплоть до 1981 г. большинство французов голосовало за правых, и создавалось впечатление, что левые вот-вот исчезнут совсем. Так, в 1969 г. кандидат на пост президента от социалистов Г. Деффер, поддержанный радикалом П. Мендес-Франсом, получил не более 5% голосов, тогда как кандидат от коммунистов собрал все же 20%. Именно компар-

тия до 1981 г. оставалась своеобразным «левым заповедником».

Положение левых начало меняться после того, как ФСП в 1971 г. возглавил Ф. Миттеран. Хотя Миттеран изначально не был ни левым, ни марксистом, он предложил социалистам программу «разрыва с капитализмом», предполагавшую национализацию. С этой точки зрения, он вдохнул новую жизнь в разлагавшуюся партию. Он намеревался положить конец соперничеству с коммунистами и обогнать их по количеству голосов на выборах.

Парламентская кампания 1978 г. уже сулила победу левым силам, но лидер ФКП Ж. Марше, увидев, что социалисты опережают ее, не пожелал далее сближаться с ФСП. Коммунисты резко дистанцировались от социалистов, что, в конечном счете, принесло победу правым.

В 1981 г. коммунисты, влияние которых к тому времени существенно упало, уже сами пошли на союз с социалистами, и объединенные левые выборы выиграли. Это была первая в истории Пятой республики победа левых сил, пришедших к власти с программой перемен в обществе. Однако эта победа таила в себе опасность для левых. Опасной она оказалась потому, что хотя Миттеран победил благодаря большинству, поддержавшему разрыв с капитализмом и хотя, досрочно распустив Национальную Ассамблею, он обеспечил своим начинаниям поддержку нижней палаты парламента, Сенат остался враждебным левому правительству и с самого начала стал тормозить реализацию миттерановской программы. Сам по себе Сенат не был непреодолимым препятствием, но, помимо него, реформам левого правительства воспротивился Конституционный совет. Президент же не хотел идти на конфронтацию в стране из-за проводимых им реформ.

В итоге, уже в 1981 г. результаты политики левого правительства вызвали разочарование у значительной части французов, которое с течением времени лишь усиливалось. Причин тому было две. Во-первых, Миттеран начал свои преобразования в условиях экономического кризиса 1980 г., когда другие развитые страны стали проводить у себя политику неоклассического либерализма. Франция пошла против общего курса мировой экономики, будучи в то же время сильно связанной с нею и соответственно зависимой от нее. Все это вызвало в стране финансовый кризис и тройную девальвацию франка. Во-вторых, социалисты, находясь 23 года в оппозиции, составили полный перечень необходимых, по их мнению, преобразований французского общества, но когда

начали осуществлять обещанное национализацию, школьную реформу и др. оказалось, что реформы затрагивают интересы значительной части общества появились недовольные. Вскоре возникла оппозиция политике Миттерана со стороны правых, казалось бы, полностью разгромленных на выборах 1981 г. К тому же, Франции в случае продолжения реформ грозил выход из ЕС, страны-участницы которого к тому времени взяли курс на либерализацию экономики. В результате, после серьезных раздумий Миттеран в 1983 г. предпочел остаться в Европе, приостановил начатые реформы и присоединился к общеевропейскому экономическому курсу.

Это решение означало, что социалисты отказались от программы, лелеявшейся десятилетиями, и согласились с тем, что экономикой невозможно управлять без рынка. Это решение также поставило вопрос о социалистической идентичности, уходящей корнями в XIX в. С этого момента французская левая вступила в стадию вялотекущего кризиса. Левые отказались от прежних проектов переустройства общества в пользу признания рыночной экономики единственно возможной. Само же реформирование представляется им теперь исключительно как процесс принятия соответствующих законов. Долгое время социалисты, по крайней мере на словах, отказывались признать тот факт, что превратились в типичную реформистскую партию, но в одном из последних программных документов они провозгласили это открыто. По сути, в 1984 г., когда премьер-министром был Л. Фабиус, затем – в 1988 г., когда премьером стал М. Рокар, наконец – в 1997 г. при Л. Жоспене социалисты уже проводили социальную политику, не выходящую за рамки либеральной рыночной экономики. Крайне левые коммунисты и троцкисты – считают такую политику ничем не отличающейся от политики правых. Более того, если левые еще могли критиковать Ж. Ширака за иммобилизм, то пришедший ему на смену Н. Саркози олицетворяет собой динамизм, а наиболее крупная левая партия – социалистическая – выглядит как отстающая от начатого им движения.

Н. Русселье: Нынешние левые совершенно не обращаются к своему прошлому, к собственным историческим корням. Ни Сеголен Руаяль, ни троцкист Оливье Безансено. В программе ни одного из них не упоминается об истории их партий. Даже Мартин Обри, которая в известной степени может олицетворять собой историческую традицию как дочь известного социалиста Жака Делора и как представитель де-

партамент Па-де-Кале, традиционно являющегося бастионом социалистической партии, не упоминает в своих обращениях к социалистам об истории. Ни за кем из лидеров левых, к тому же, не стоят сегодня левые интеллектуалы.

Парадокс наших дней заключается в том, что всех левых объединяет одно – ни у кого из них нет программы обновления общества. Как это ни парадоксально, борясь против нынешнего правительства, они выступают в роли консерваторов, ибо оспаривают всяческие новшества, ратуют за сохранение прежних социальных завоеваний, за старую политику вмешательства государства в экономическую жизнь, не предлагая ничего нового. В известной мере, без сильной компартии, прежде зачастую стоявшей у истоков широкомасштабных дебатов, сейчас стало даже скучно ее былой активности теперь явно не хватает.

Конечно, следует учитывать, что сейчас действия левых определяются, прежде всего, циклом парламентских и президентских выборов. К тому же, срок президентских полномочий стал пятилетним, и парламентские выборы теперь сразу же следуют за президентскими. В таких условиях вполне естественно, что политики думают только о выборах и, едва закончив одну избирательную кампанию, начинают готовиться к следующей. О программах модернизации и об исторических традициях уже не думают. Многие из тех, кто сейчас еще голосует за левых, делают это лишь потому, что такова их семейная традиция и что левым быть все же несколько моднее, а также потому, что еще жив стереотип, будто левые более открыты, более подвижны, хотя на деле это уже всего лишь миф. С. Руаяль, может быть, делает чуть больше реверансов в сторону исторической традиции, чем другие, но в самой социалистической партии ее отнюдь не считают интеллектуалом. И никто из таковых за ней не стоит. Интеллектуалами во Франции, безусловно, считали таких политических лидеров, как де Голль, Помпиду, Жискара д'Эстен, Миттеран, в какой-то мере – Ширак. Сейчас исчезло представление о том, что стать сильным политическим лидером можно лишь будучи сильным интеллектуалом. Да больше и не появляется крупных левых интеллектуалов. Многие умерли, а те, кто остались, это старое поколение. Конечно, еще сохраняют свое влияние такие фигуры, как Р. Дебре и П. Нора, но ведь они были популярны и в 1980-е гг. Они тоже принадлежат уже к старому поколению, как и М. Огюлон.

Вопрос: Что, на Ваш взгляд, необходимо левым для усиления

своего влияния в будущем?

Ж.-Ф. Сиринелли: Историк – не политический советник и тем более не пророк. В его компетенцию, по крайней мере в профессиональном плане, не входит диагностика или предвидение. Вместе с тем, поскольку теперь считается общепризнанным, что он может заниматься изучением и совсем недавней истории, которую во Франции называют историей современности, и может делать выводы, наблюдая за событиями, происходящими в настоящий момент, я добавлю к вышесказанному следующие замечания. Политические культуры, с коими идентифицируют себя различные политические направления, подобны живому организму. Они зарождаются и развиваются в конкретном историческом контексте и реагируют на требования среды. Таким образом, левым, как и правым, постоянно приходится искать ответы на вопросы, задаваемые им общественной жизнью, которая и сама по себе сильно изменилась². В конечном счете, французы пойдут за теми политическими силами, левыми ли, правыми ли, которые сумеют успешно внести в свою «базу данных» анализ этих обширных изменений. Слева, безусловно, ведущей остается социалистическая партия. Ее электоральная сила или слабость зависят от ее способности понять настоящее и воплотить будущее. А эта способность зависит от ее умения (или неумения) идеологически самоопределиться по отношению к тем переменам в обществе, которые не только глубоко изменили Францию за последние 30 лет, но, более того, спровоцировали в ней, как и во всех других экономически развитых странах, глубокий кризис.

С. Берстайн: ФСП не смогла выдвинуть масштабного общественного проекта на XXI век и страдает от того, что ее лидеры заняты сведением между собою личных счетов. К тому же, представители ее молодого поколения, как, например, Б. Амон, абсолютно убеждены в том, что прежние социалистические ценности устарели. Они довольствуются заявлениями о том, что правительство должно управлять социальной политикой в условиях либерального рынка, избегая проявлений его крайностей, этакая своеобразная версия радикализма в XXI в.

Новая антикапиталистическая партия, являющаяся новой версией троцкизма, добивается успехов лишь благодаря своей экзотичности.

---

2 По этому вопросу я позволю себе отослать читателя к моим книгам: *Sirinelli J.-F. Les vingt décisives. 1965-1985. P., 2007; Idem. La Ve République. P., 2008.*

Последние опросы общественного мнения свидетельствуют о том, что за нее голосуют те, кто разочаровался во всех партиях, но никоим образом не мечтает о приходе к власти ее лидера Безансено, как, впрочем, и Ж. Бюффе, а также других крайне левых политиков. Среди симпатизирующих Безансено есть и такие левые, которые недовольны утратой ФСП своей социалистической идентичности. Однако все эти недовольные не собираются прибегать к насилию и предпочитают выражать свои чувства у избирательных урн. Каждая из крайне левых партий не может рассчитывать больше, чем на 4% голосов, что дает им вместе взятым возможность проводить своих депутатов в парламент и выражать там время от времени свои взгляды. Иными словами, крайне левые объединяют всех недовольных, но к власти на этой основе прийти нельзя. С этой точки зрения, Саркози выглядит более убедительно, чем социалисты.

Н. Русселье: Нужна новая программа, а не просто речи. Например, Оливье Безансено критикует капитализм, социальную несправедливость, но ведь такая критика со стороны левых существовала всегда. Новых же конкретных предложений нет, и левым еще предстоит трудная задача выработать новую программу, направленную на сохранение старых социальных завоеваний. Опять парадокс.